

Цзян Чжихэн прижал к груди вещи и опустил голову, ожидая, пока евнух заговорит.

— Мелкий, отдай вещи остальным, а сам ступай подмести у ворот дворца.

— Слушаюсь.

Цзян Чжихэн передал то, что держал в руках, стоявшему рядом младшему евнуху, взял метлу и отправился подметать у ворот Цяньцин.

Дойдя до середины, он боковым зрением заметил под траурными одеждами ярко-желтый край ткани. Юноша тут же опустил голову и опустился на колени, дожидаясь, пока целая процессия пройдет мимо, и лишь после этого поднялся на ноги.

И гадать не нужно было: это новый император, Айсиньгёро Хунли. Цзян Чжихэн поскорее закончил мести и ушел — ему вовсе не улыбалось еще раз столкнуться с какой-нибудь высокопоставленной особой.

После того как суматоха по случаю восшествия нового императора на престол улеглась, у Ворот Цяньцин постепенно воцарился привычный распорядок.

На рассвете Цзян Чжихэн вместе с несколькими младшими евнухами закончил подметать у Ворот Цяньцин и собирался вернуться в Боковые флигели (Уфан) через ворта Юэхуа, когда мимо него пулей пронесся спешащий куда-то младший евнух.

Краем глаза заметив, как что-то упало на землю, Цзян Чжихэн повернулся и бросил взгляд на мостовую: там лежал выдавший виды кошелек.

Проводив взглядом удаляющегося евнуха и не смея поднимать шум, Цзян Чжихэн, опасаясь навлечь на себя гнева старшего евнуха за плохо убранную территорию, подобрал кошелек, сунул его в рукав и быстрым шагом догнал свой отряд.

Закончив дела, Цзиньчжун в спешке возвращался в залу Янсиндянь, но на полпути обнаружил, что висевший на его шее кошелек пропал.

Тогда он повернул назад на поиски, но, видя, что до утреннего доклада времени почти не осталось, а кошелек всё нет, был вынужден с тяжелым сердцем вернуться в залу Янсиндянь.

Вечером, когда настала очередь дежурить младшим евнухам из комнаты Цзян Чжихэна, старший евнух с отрядом обошел помещения, проверяя свечи.

— Никто из вас не находил синий кошелек? Только что приходил евнух из залы Янсиндянь, спрашивал.

Столкнувшись с евнухами, заступившими на ночное дежурство у ворта Юэхуа, Цзян Чжихэн услышал, как беседуют два старших евнуха.

— Зала Янсиньдянь?

Внимание Цзян Чжихэна зацепилось именно за это название. Не меняя выражения лица, он пощупал кошелек сквозь ткань рукава.

Дождавшись окончания ночной вахты, он сдал смену пришедшим на уборку евнухам и отправился в свою комнату досыпать, а когда проснулся, утренний доклад уже закончился.

— Я пойду во Внутреннее ведомство.

Приведя себя в порядок, Цзян Чжихэн бросил Сяо Люцзы пару слов и вышел.

Сяо Люцзы сонно уткнулся в ответ и снова завалился спать.

Путь во Внутреннее ведомство лежал в обход залы Янсиньдянь. Цзян Чжихэн вытащил из рукава кошелек, подвязал его к поясу и поспешно зашагал мимо Ворот Цзуньи.

Когда он, возвращаясь из Внутреннего ведомства, снова проходил мимо Ворот Цзуньи, то услышал:

— Эй, братец, постой-ка.

Цзян Чжихэн остановился, обернулся и увидел спешащего к нему евнуха, который был старше его от силы на год-два.

Младший евнух указал на кошелек у Цзян Чжихэна на поясе и мягко спросил:

— Братец, ты этот кошелек случайно не нашел?

Цзян Чжихэн бросил взгляд на кошелек и кивнул:

— Верно. Я специально повесил его на виду, чтобы хозяин смог заметить.

Младший евнух заметно оживился:

— Это я его потерял! Не мог бы ты вернуть его мне?

Цзян Чжихэн окинул собеседника оценивающим взглядом:

— А как ты докажешь, что это твой кошелек? Вдруг его потерял кто-то другой?

Младший евнух немного поколебался и сказал:

— Внутри ведь лежит красная бумажка с датой и часом рождения, так ведь?

Цзян Чжихэн снял кошелек, заглянул внутрь — там действительно обнаружилась аккуратно сложенная красная полоска бумаги.

В те времена дата и час рождения были делом сугубо личным, о них не знал почти никто, кроме самых близких.

Немного подумав, Цзян Чжихэн спросил:

— Как тебя зовут? Если вдруг выйдет путаница, мне нужно знать, где тебя искать.

— Меня зовут Цзиньчжун, я служу при залах Янсиндянь.

Цзиньчжун взял кошелек и бережно спрятал его в рукав, а Цзян Чжихэн вытащил из своего рукава моток красных нитей и протянул ему.

— Твоя нить совсем тонкая, от долгого ношения быстро порвется. Я как раз беру такие для плетения Алмазного узла (Цзиньганцзе), бери, пригодится.

Цзиньчжун взглянул на красную нить в руках Цзян Чжихэна, задумался, с улыбкой принял подарок и произвел:

— Большое спасибо, братец. Я ведь даже не знаю, как тебя зовут и где ты служишь?

Цзян Чжихэн небрежно бросил:

— Меня зовут Сяо Шуньцзы, я служу у Ворот Цяньцин.

Цзиньчжун кивнул. Добившись своего, Цзян Чжихэн с улыбкой сказал, что ему пора возвращаться, и зашагал прочь.

Проводив его взглядом, Цзиньчжун согнал с лица улыбку, посмотрел на красную нить в руке и тоже повернул обратно к зале Янсиндянь.

Близи́лась зима, и евнух, составлявший списки дежурных стражников, слег с простудой, из-за чего его отправили за пределы дворца.

— Есть среди вас те, кто умеет читать и писать? Шагните вперед, дайте мне взглянуть.

Распорядитель евнух Ли собрал младших евнухов в одном месте и задал вопрос. Мальчишки переглянулись: все они были выходцами из бедных семей, и встретить среди них грамотного было большой редкостью.

Глаза Цзян Чжихэна блеснули, он сделал шаг вперед. В то же самое время из толпы вышел еще один младший евнух.

Евнух Ли, судя по всему, никак не ожидал, что среди его подопечных найдутся грамотные, и довольно улыбнулся:

— Хорошо, хорошо! Вы двое подойдите сюда, остальные могут быть свободны.

Цзян Чжихэн опустил голову, подошел к евнуху Ли и замер. Рядом с ним стоял мальчишка лет на два старше его — Цзян Чжихэн раньше видел его лица, но имени не знал.

Окинув стоявших перед ним евнухов оценивающим взглядом, евнух Ли спросил:

— Ну-ка, назовитесь. Когда и где грамоте обучались? Сколько иероглифов знаете?

Стоявший рядом младший евнух, едва голос евнуха Ли смолк, поспешно отрапортовал:

— Я, матушка-евнух... то есть евнух Ли, я Сяо Цзянцзы! Дома учился по «Тысячесловию» вместе со старшим родичем, который ходил в деревенскую школу, знаю несколько десятков иероглифов.

Евнух Ли кивнул:

— Мм, неплохо.

Затем он повернулся к Цзян Чжихэну:

— А ты?

Цзян Чжихэн послушно опустил голову и ответил:

— Я, Сяо Шуньцзы, из семьи торговцев тканями. С трех лет учился в семейной школе, освоил «Канон трех иероглифов», «Триста фамилий», «Тысячесловие» и «Канон ученика».

<http://bllate.org/book/21834/2261954>